
Падение
Слепых
II
18+
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
РИККИ КАСС ЭНН

Падение Восточного Ветра

Рикки Касс Энн

Падение Слепых

«Автор»
2026

Касс Энн Р.

Падение Слепых / Р. Касс Энн — «Автор», 2026 — (Падение Восточного Ветра)

291 год от Проклятия Первой Ведьмы. Юная наследница Королевства Немых Кассиопея оказывается заточённой в башне на 8 лет. А родной дядя, убивший ее родителей, занимает престол. Вырвавшись из неволи, ведьма сталкивается с Фицджеральдом, который предал её в детстве, нарушив обещание и оставив одну среди кровопролития. Она решает скрыть от него свою личность.Фиц и представить себе не мог, что принцесса выжила, — и с первой встречи настроен к девушке враждебно. Расчетливый отшельник больше не привязывается к людям и легко рискует их жизнями. Не догадываясь, кто перед ним, бывший королевский стражник проворачивает свои искусные схемы и совершает самую большую ошибку в своей жизни.Когда его сердце начинает биться только для одной-единственной ведьмы, когда Фиц наконец понимает, что принцесса Кассиопея всё это время была подле него, он готов раздавить собственное сердце и тенью следовать за её высочеством, быть для неё личным стражем, кем угодно, лишь бы оставаться рядом.Трилогия. Книга 2.

© Касс Энн Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Я постараюсь всё исправить 5
Глава 2. Ваше высочество, вы нужны вашему дому 15
Глава 3. Вылазки номер три и девять 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Рикки Касс Энн
Падение слепых

Глава 1. Я постараюсь всё исправить

Юля Паршута — Моя Сирин

Скованная. Раненная. Беспомощная.

Силы меня оставляли. Привалившись затылком к холодным камням, я сидела в продуваемой ветрами комнате. Должно быть, мы на высоком холме. Дворец старый, разрушенный — в этих краях я знала лишь один такой.

Для меня разжигалась жаровня. Но вряд ли это потому, что мне холодно. Ибо холодно мне уже шестнадцать часов. Он обещал заглянуть ко мне вновь в три ночи. Вот он пришёл, а значит, я отмораживаю зад на земляном полу уже шестнадцатый час, десять или двенадцать из которых я провела в отключке.

Я устало сдула растрепанную прядь с лица и скосила взгляд, потом безразлично произнесла:

— О, ты соизволил мне показаться.

— Я не мог прийти раньше, — Иссак уселся на пыльной, покрытой сажей консоли и стал болтать ногами.

Долго же тебя не было. Теперь-то я могу предъявить свои претензии?

— Когда мне что-то угрожает, ты всегда тут как тут. Кроме того раза… Когда Фицджеральд ударил меня кинжалом, ты не появился, не предупредил.

— Потому что это должно для тебя случиться. Как бы я ни хотел этого избежать.

— О, правда? Это ты решаешь, выходит?! Что должно случиться, а что нет!

— Не решаю. В этом и суть, — он спрятал глаза.

— Тогда для чего вообще ты мне нужен? — процедила я.

Мои глаза устремили взгляд в бархатное темное небо, сквозь которое почти не было видно звезд. Очнулась я здесь, уже связанная в заброшенном холодном полуразрушенном замке, в котором крыша даже не везде есть.

Риск того не стоил.

Оказалось, на людей Тоала нельзя положиться. Не всякий ему верен. Если бы я знала, что человек со шрамом промышляет свои делишки за спиной хозяина, не дала бы Його себя ужалить и не сидела бы тут, в руинах древнего замка, закованная в цепи.

Эта сволочь захотел сам заполучить ведьму.

— Как же так вышло, что ты до сих пор не разобралась с тем, как вызволить себя? — наивно поинтересовался мой бестелесный друг.

Мне не хотелось видеть эти по-детски нахмуренные брови. Их упрёк говорил мне о том, что я недостаточно умна, чтобы что-то понять. А что именно — об этом мне следовало догадаться каким-то чертовым способом самой.

— И как ты себе это представляешь? — проговорила спокойно, продолжая наблюдать за тем, как звезды время от времени выглядывают из-за дымки туч.

— Сбрось кандалы, — очень просто ответил ребёнок.

Энтузиазм его голоса раздражал. Я пронзила его взглядом и со всей дури дернула запястьем в железном браслете.

— Как по-твоему я должна это сделать?!

— Не старайся — только руки повредишь себе, — подал голос глухой приспешник моего братца, краем глаза заметивший движение.

— Ты не знаешь заклинание развязывания пут? — Иссак склонил голову набок, внимательно смотря на меня.

Его наивность поражала.

— Это бесполезно. Книги Лулль бесполезны! — повторила я резче и, выпустив весь воздух из легких, понурив голову, добавила едва слышно: — Или я какая-то неправильная ведьма. Чтобы я ни делала, ничего не работает.

— Меня может видеть только сильная ведьма, — напомнил призрак. Если он считает, что эти его слова как-то должны обнадежить меня, то это он зря.

Я разочарованно фыркнула.

— Ты знаешь, — заговорил мальчик снова, — почему у тебя не вышло расколдовать Леффа Таллака? А ведь то заклинание было тебе под силу.

Мой взгляд заледенел.

— Как это вовремя, — съязвила я. — Долго думал, когда бросить эту бомбу?

Иссак пропустил сарказм мимо ушей и пытался пальцем захватить с консоли черную сажу, которой было сотню лет.

— Сложные заклинания подчиняются только избранным ведьмам. Тем… которые знают одно слово.

Казалось, он то ли тщательно подбирал выражения, то ли надеялся, что театральная пауза произведет незабываемый эффект драматичности.

Я сосредоточенно свела брови и сдула с правого глаза русую прядь.

— Есть *слово*, которое активирует любое заклинание?

Иссак оптимистично закивал:

— Слово-активация. Вот почему некоторые заклятия не срабатывают или срабатывают наполовину. Или действуют один раз и больше никогда.

— И что это за слово, ты конечно же не назовешь!

Теперь он мотал головой, на лице его читалась жалость.

А между тем из чаши с огнем вынимал раскаленное железо наемник Тоала. Он поднёс это к моему лицу, но в моих глазах застыло равнодушие; и он передумал и направил мне на грудь. Пытался запугать, я же — таращилась на него без страха.

— Личико у тебя и правда славное. Жаль портить, — он чуть улыбнулся и повторил то же, что и шесть… или четыре часа назад: — Ты знаешь, что мне нужно. Слёзы. Не хочешь добровольно рыдать — я тебя заставлю.

Он выжидающе на меня глянул, но я лишь окатила его и кусок светящейся стали ледяным презрением.

Маска дружелюбия тотчас спала с лица этого урода, и он стиснул челюсти.

— Видит Бог, я предлагал тебе легкий путь. Видно, я слишком милосерден с тобой, а с ведьмами так нельзя, — покачал он головой.

Иссак взволнованно спрыгнул на землю и мгновенно оказался по левую сторону от железного огня, приближающегося к моему бордовому корсету с растрепанной шнуровкой.

— Ты знаешь это слово, Касс, — подсказывал он. — Вспомни его.

Оранжевое железо прижали к моей груди, и я заорала:

— Не знаю! Не знаю! Тебе сложно прямо сказать?!

— Знаешь, — Иссак с волнением переводил взгляд с меня на мужчину. — Это слово-активация тебе знакомо. Думай, Кассиопея! Думай!

Запахло жареной плотью. Клеймо отодрали от меня, и я невольно подалась вперед, согнулась, но не издала ни звука. В то же мгновение из расшнурованного декольте выпал мешочек с рунами. Я хотела подобрать, но у меня были связаны руки.

Медленно расправила спину, сожалея, что единственное, чему я доверяла в этом мире, попало в чужие руки.

— Что это мы носим меж грудей? — он ослабил горлышко мешка и высыпал четыре литеры на свою огрубевшую ладонь с мозолями. Выразительно заглянул в глаза. — Что-то магическое? Хочешь с их помощью удрать отсюда? Мечтай, — цокнул он с издевкой и, пренебрежительно, оценивающе ощупав их большим пальцем, выбросил мои руны в жаровню, три из которых попали на дымящиеся угольки у края чаши, а одна прямиком в пламя.

— Они тебе не понадобятся, — улыбнулся он, проследив за моим немигающим взглядом. Довольный тем, что смог задеть за живое. Языки пламени съедали серебро.

Я моргнула, и мужчина натолкнулся на мой холодный колючий взгляд.

Это заставило его отшатнуться и подойти к жаровне за новыми щипцами с куском лавового железа.

— Мало? Реветь отказываешься? — Он снова наступал, но мне отступать было некуда. Под левой ключицей горело свежее клеймо, и к нему вот-вот добавится второе.

Шею и грудь обдало жаром, а после — болью. В том же месте, ещё чуть левее, мою плоть прожгли вместе с платьем.

Больно…

Скрюченные судорогой, ногти воткнулись в землю и каменное крошево. Царапая пальцами пол, я устало дрожала, пока мерзавец бесконечно долго прижимал ко мне свой пыточный инструмент.

— Да заплачешь ты сегодня или нет? — взревел он, отбросив в ярости щипцы. Раскаленный кусок зашипел в траве.

Похититель разорвал на мне платье. Шнуровка оторвалась вместе со всеми левыми петлями и повисла, оставшись на правой части корсета. Холод пустил мурашки по обнаженной коже. Его глазам предстала моя изуродованная грудь, розовая вершинка едва заметно выглядывала из-под ткани. Однако мое безразличие только раздосадовало его, и он отвернулся, отошёл.

— Кассиопея, ты должна вспомнить, — умолял Иссак, не в силах мне помочь. Лишь наблюдать.

Он протёр кулачком глаза, и я скривила рот в усмешке:

— Ты-то чего разревелся?

— Вспомни, Касс, пожалуйста. Ты должна всё это пройти, но я не могу на это смотреть.

— Ну так отвернись, — равнодушно выплюнула я. — Или исчезни. Как ты обычно это делаешь.

— С кем ты болтаешь? — мужчина хмуро озирался по сторонам. Мои шевелящиеся губы не давали бедняге спокойствия.

Этот глухой явно не умел читать по губам. Совсем необразованный, и где только Тоал такого работничка откопал? Или глухой полезен тем, что ничего не подслушает и секреты не выдаст? Только это не помешало ему предать тебя, мой дорогой и любимый братец.

У меня вырвался смешок.

— Вот балда.

Мои плечи и голова поникли от усталости. Волосы упали на рану и наполовину закрыли голую грудь.

— Я знаю, ты ведьма непростая. Плачешь багровыми слезами. Ну чего тебе стоит ими поделиться!

Я *так*посмотрела на него исподлобья. Он от бессилия почти рвал на себе волосы, а потом нетерпеливо махнул на меня рукой и лихорадочным взглядом стал шарить в поисках своего клейма.

— Сейчас попробуем ещё. В третий раз точно получится. Ну не железная же ты. Выносливая — это да, но слёзы я из тебя рано или поздно выбью. Сейчас-сейчас.

Он схватил первые щипцы и окунул в горячую чашу.

Рана от стрелы меня ослабила. У меня не хватало даже сил на смех, не говоря уже о моем перевоплощении. Второе не выходило, как бы я ни старалась. А от моего жалкого смеха хоть и тряслись стены, вибрация была ничтожно слабая — руины держали свой остов.

Я переоценила себя. Я полагалась на свои способности, которых теперь лишилась. И у меня не осталось ни меча, ни кинжала.

— Ты знаешь это слово.

— Да ты достал уже, — прошептала я, Иссак был прямо передо мной, сидел на корточках.

— Ты узнала его от… — он мялся, а потом пожевал губу и продолжил: — Ты не так давно его узнала от другой девушки.

Непоседа встал и походил по комнате, замер сиротливо.

— От кого, Иссак? — У меня болело всё: грудь, спина, живот, и отгадывать загадки в такой момент — это признак гениальности… и хладнокровия. Может, первого у меня и нет, зато холодный разум обязан быть в избытке.

Мальчик направил взгляд на жаровню, где варилось железо.

— Твои руны… — произнёс он, будто с сочувствием, но было в его словах что-то ещё, и замолк.

Я долго всматривалась в его неподвижное лицо. Задумчивое или же зачарованное танцующим пламенем.

— Миканташель, — дополнила я и посмотрела, как изменится его выражение.

Его глаза блеснули, и он резко повернул ко мне голову.

— Я говорил, ты знаешь, — улыбнулся мне Иссак.

Из меня вылетел новый смешок…

— Я в одной комнате с безумной, сдуреть можно, — фыркнул неверяще мужик и покрепче ухватился за свое приспособление для пыток.

…и я медленно прикрыла глаза. *Я когда-нибудь убью тебя, Иссак.*

— Путы связали меня, рядом не друг,

Ведьма свободна, приятный слышит она звук.

Миканташель.

Щелчок. Железные наручи раскрылись сами собой и спали наземь.

Руки, принявшие на себя вес всего тела, задрожали. Почва под ладонью показалась мне мерзкой.

— Ты знаешь *всё*и можешь подсказать выход из *любой*ситуации… не так ли?! — я резко вскинула голову и вонзила в него ледяные шипы своих свирепых глаз.

— Друг появляется, когда принцесса очень сильно в нем нуждается, — бросил он второпях и схлопнулся в воздухе. Пропал. Снова.

— Прелестно, — выдавила я из себя улыбку. — Теперь ты являешься, когда я слаба, запуталась или на грани смерти, истекающая кровью.

— Что ты задумала? — подозрительно спросил искатель моих слёз и вынул расплавленное железо из огня, готовый защищаться… от моей улыбки.

На меня тут же напал истерический смех. Стены пришли в движение и слабо загудели. Камни задрожали и стали подпрыгивать над землей. Но я закашлялась, и всё вмиг стихло. Пальцы кровожадно сжались вокруг цепей. Дурень не заметил того, что я освободилась.

Я застонала и начала кашлять еще сильнее, спрятав хищный взгляд за волосами.

— Ты чего сгорбилась? Помирать собралась? Ты это… а ну не смей! — он быстро перехватил щипцы левой рукой, а правой вознамерился проверить бледность моего лица. Лучше, чем проверять степень разложения трупа.

Пожалуй, он подошёл достаточно близко.

Со смертельным звоном взлетели цепи в моих руках, а в следующую секунду взорвалась внешняя стена и на нас повалил дым. Всё пошло не по моему сценарию, и я передумала пускать в ход железную удавку и стальную пощечину.

Мои руки упали, и я выдохнула.

Дым рассеивался. Стелился по земле и утекал с ветром в угловые щели и соседние холодные комнаты. С видом полнейшего равнодушия я смотрела вперёд: Фицджеральд прыгнул на мужика и с ноги отправил его в нокаут.

А потом нашёл меня взглядом и на секунду растерялся. Настолько жалко выгляжу? Или не нравится выражение лица, которым я на него смотрю?

С развалин крыши спрыгнул Элуф и наткнулся на тело у своих ног. С проломленной челюстью в брызгах крови. Пришел в недоумение:

— Только один?

Фицджеральд ему скомандовал:

— Я тут, — ко мне шли, не сбиваясь с шага, — а ты снаружи поищи.

— Ей нужна помощь, — Элуф, тоже отыскавший глазами пленницу, подорвался было ко мне, но бывший страж холодно полоснул предостережением:

— Я неясно выразился?!

На последних секундах он не выдержал и перешёл на быстрый шаг, только бы скорее очутиться рядом со мной, припасть на колени и осторожно приподнять левую часть моего корсета… или того, что от него осталось.

От растерянности он часто-часто задышал, обшаривая меня глазами и пытаясь сориентироваться: как меня можно починить? Будто я сломанный меч. *Любимый сломанный меч. Паника оправдана*.

Элуф не стал нарываться на конфликт. Поняв, в чем дело, и поколебавшись мгновение, вышел в соседние помещения, которые тоже состояли из голых руин.

Где-то за стенами слышался глухой, тоскливый рёв Його. Я узнала его.

— Касс, — прошептал Фиц и потянулся к моему лицу ладонью, но побоялся дотронуться, и руки его и глаза опустились на ожоговый рисунок у меня под обуглившимся платьем. — Сейчас, — его голос звучал слишком тихо, он потянулся к поясу и быстрыми пальцами неуклюже достал из кожаных кармашков две склянки.

Без колебаний отогнул ткань корсета и стал торопливо поливать сверху два моих ожога, слившиеся в одну уродливую фигуру на девственно чистой коже.

Я фыркнула, моя усмешка заставила его поднять глаза. Он надеялся увидеть в моих — боль и страх, но… бесчувственный взгляд его напугал.

— Дай угадаю, — медленно произнесла и игриво. — Элуф тебе рассказал. Сам бы ты никогда не догадался, — с ожесточением нанесла я удар, мрачно и с вызовом усмехнувшись левым краешком губ.

Он отшатнулся, как от настоящего удара.

А потом выпустил из нервных пальцев стеклянные пробирки и с лица моего пылко и поспешно убрал неопрятные пряди, задвинув их назад. Обхватив мое лицо, Фиц с тревогой заглядывал мне в глаза:

— Кассиопея, где у тебя болит?

— У меня ничего не болит, — сказала я тоном, словно передо мной был круглый идиот.

Он был весь напряжен. Хотя бы потому что я говорила серьезно. И у меня — серьезно — ничего не болит.

Его взгляд случайно скользнул на багровое пятно на моем бордовом платье, и он, как сумасшедший лекарь, выдавил пробку с новой коричневой склянки, чтобы обнаружить вдруг, что руки заняты и разрезать-разорвать платье нечем.

— А должно? Болеть? Как по-твоему? — наивно задавалась я вопросом, ища ответ в его потерянных глазах.

— Замолчи, — умолял он испуганно. И сомкнул мои левые пальцы вокруг флакона с заживляющим зельем. Крепко, чтобы сам он мог расширить дырку от стрелы на платье… на деле порвал в лоскуты.

Какой нервный.

— Думала, ты зна-аешь, — растягивала я слова, тупо таращась на открытый бутылек. — Разве не поэтому ты-ы… тебе было всё равно? Разве не поэтому всё равно? — повторила я уверенно. — Ты думал, я ничего не чувствую… А знаешь, — весело продолжила я, подняв лицо к небу, когда бутылёк перекочевал в его руку, — ты был прав. Ничего я не чувствую. Мне не бывает больно, — я с ледяной ненавистью посмотрела в синие глаза напротив и добавила хладнокровно: — Так что расслабься.

Две пустые склянки валялись между нами на земле, к ним присоединилась третья.

Он, не отпуская моего взгляда, шарил по моим цепям. И я показала ему фокус.

— А я свободна, — натянула я фальшивую полуулыбку, поиграв в воздухе своими ручками. — И выбралась бы отсюда без тебя, не помешай ты моему плану.

— Твоему плану? — грустно улыбнулся он. — У тебя столько ран, Касс… а ты несешь чушь о каком-то плане. Ты бы его не одолела. А если бы даже одолела, упала бы здесь же от истощения и отсюда уже не выбралась.

В глазах моих клубилось сплошное безразличие. Я отстранила его и встала, не заботясь о том, как выгляжу и как висят на мне порванные воротник и шнуровка платья. Спокойно прошла к жаровне и погрузила пальцы в горячие угли по краям чаши, собирая *единственных своих друзей*.

— Ты что вытворяешь? — остановил он меня, вмиг оказавшись рядом. Бесцеремонно сомкнул пальцы вокруг запястья и не давал забрать свое.

— Решил, мне идут кандалы? — мой взгляд выразительно сверлил замок из длинных красивых пальцев.

Нас накрыло давящей — приятной мне — тишиной. Он тяжело молчал. Я чувствовала на себе его неподвижный озабоченный взгляд, но не давала ему того, чего он так хочет. Он не добьется того, чтобы я на него посмотрела.

— У тебя лихорадка, — услышала я примирительный тон. — Просто скажи, что не навредишь себе. — Пауза. — И я отпущу.

Я выждала несколько секунд, чтобы проверить, останутся ли всё ещё его пальцы на том же месте, не прогнется ли он под меня.

Усмехнулась про себя.

— Я сделаю всё, чтобы жить. Такой ответ тебя устроит?

— Кассиопея, — настаивал он.

— Моя жизнь зависит от моих рун, — твердо отчеканила я. — А такой? — И выпустила в него взгляд-стрелу: "Если сейчас же не уберешь свою руку, в стену полетишь пересчитывать позвонки".

Он стушевался и мигом убрал хватку. Но оказался быстрее меня. Как ни в чем не бывало достал две оставшиеся руны с углей, отвязал кошель с пояса, высыпал их туда и разжал мою ладонь, которую до красна жгла нагретая руна Хагалаз. Все три руны — горячие — теперь лежали в кошельке, который, не мешкая, он передал мне.

Подушечки его пальцев из белых стали красные.

Я машинально приняла кожаный мешочек. Он был тяжелее из-за монет, которых я у него не просила. Мой взгляд снова скользнул на высокие языки пламени. Ощущение утраты не отпускало меня. Там внизу плавилась маленькая серебряная дощечка.

Я потеряла руну Гебо, отвечающую за союз, дружбу и любовь.

Больше я не могу никому верить.

— Чего он хотел от тебя? — Фицджеральд с ненавистью глядел за мою спину.

— Мои слёзы.

— Слёзы? — он непонимающе и беспокойно нахмурился. Это было за пределами его построенных доводов.

— Угроза нравственного падения… — сказала тихо, с мрачной иронией, — теперь мы знаем, чем жестока та Формула.

Фиц по-прежнему ничего не понимал. Я посмотрела на него в упор и мерзко ухмыльнулась:

— Я плачу кровью, — выплюнула я, — ты не знал? — и провокационно встретила его остановившийся взгляд: — Хочешь мои слёзы? Заплакать тебе?.. М-м? Для это урода не заревела, для тебя, думаешь, стану?! Катитесь к черту все! Никто, слышишь? Никто не заставит меня лить кровавые слёзы! Хоть убивайте, хоть калечьте, мне всё равно! Всё равно, понял? Я давно ничего не чувствую, — равнодушно закончила я и, оттеснив его плечом, зашагала к проломленной в стене «двери».

Ищите другую дуру и долбанную альтруистку.

Його с искренним раскаянием опустил передо мной голову. Я непринужденно приколола брошь, соединив две верхние части платья, и провела рукой по шерсти. Заглянула в огромные глаза.

— Я. Тебе. Разрешила.

Желтый взгляд влажно заискрил.

Он всё понял. Умный мальчик. Перестал глазеть так виновато и с живостью припал к земле, чтобы я забралась на него. Радостно виляя длинным хвостом, пёс крошил стены руин.

В отверстии каменной стены встал Фиц. Сложив руки на груди, он молча смотрел на мое восхождение. Слегка передергивая крупными плечами и ежась на сквозняке. Его словно и не заботило то, что перед ним и по бокам от него сыпал дождь из камней. Из-за угла под покровом тьмы вышел Элуф.

— Чувак был один. Никого не нашел, — отчитался он мимоходом, саркастично поглядев на нас с парнем. Расстановку сил он оценил точно.

Його вдруг ступил к Фицджеральду и понюхал его, но парень остался невозмутимым к огромному собачьему носу у себя перед лицом. Даже когда тот показал ему злобный оскал и все-все свои зубы, опасно капая слюной.

— Э-эй, дружище, полегче! — Элуф выставил руку, решив предупредить цербера. — Хозяйка расстроится, если ты его съешь.

— Вы всю дорогу ему это внушали? — хмыкнула я.

— Иначе как заставить такую громадину слушаться, — засмеялся Элуф, покосившись на своего компаньона по несчастью. — Твой Його снова побывал в клетке. Фиц запер. Буйный мальчик, — покачал головой Ховард.

— Ты о ком? — уточнила я тонко, будто не поняла.

В глазах Элуфа зажглись смешинки, но он продолжил, подавив улыбку:

— Здоров твой мальчик. Подавил действие чар, а потом начал рваться к тебе. Мы подумали, он найдет тебя раньше, чем сообразим мы, где тебя искать, и — рискнули его выпустить. Только вот он всё ещё держит обиду на Фица, — расписывал он претенциозно, бодро, стараясь смягчить обстановку и улучшить шутками мое самочувствие.

Я поглядела на обоих мужчин и с тем же отсутствующим выражением лица хлопнула Його по боку. Он дохнул на Фицджеральда. Недобро. Развернулся, и мы унеслись вон.

— Встречаемся в гостинице! — донеслось вслед.

На этот раз это был Фиц. Только он мог время от времени скрывать панику за авторитетной силой своего тона. Он боялся, что я исчезну навсегда.

***

Он вошёл почти бесшумно, но она знала, что это он.

— Касс… прости.

Девушка ответила молчанием. Она лежала на боку, и её спина была обращена к двери, однако Фиц чувствовал, что принцесса в красном одеянии не спит.

— Ты ничего не сказала, — попытался обвинить он, но как-то без упрека. Прекрасно понимал, чья вина.

— А должна была? — отреагировала Касс спокойно, без эмоций.

Ему пришлось признать:

— Нет.

То-то же.

Молчание. Он аккуратно лёг ей за спину.

Зарывшись носом в ее волосы, шёпотом коснулся кожи:

— Обещаю, что больше не причиню тебе боли.

Она опять безразлично хмыкнула, глядя перед собой:

— Больше и не сможешь. Уж поверь, детская любовь прошла, Фиц. От неё ничего не осталось.

— Ничего? Правда? — он не верил, но не имел на это право, поэтому не стал давить и просто обнял.

— Я постараюсь всё исправить.

— Вряд ли у тебя получится, но попробуй. А то, когда ты трижды вонзил мне нож в спину, один из которых буквально, я как-то не оценила.

За эту ночь он ни слова больше не промолвил, а только сильнее прижал Касс к своей груди. Не было таких слов, которые залечили бы раны души. Он понимал, самая глубокая — причиненная им. Она жжет. Внутри яд без противоядия. Противоядие — вот что ему предстояло для неё создать. Только на этот раз оно не имело ничего общего с алхимией.

Он не стал говорить ей, что тот, кто выкрал её, пал в черном облаке ворон. Те, когда мужик очухался, неожиданно посыпались с неба, как голодная стая койотов. Обглодали до костей и улетели, не тронув его с Элуфом. Поистине… мучительная смерть. У Фица до сих пор в ушах стоял тот адский крик. Он многое повидал на свете, но чтобы такое… вороны ещё никого живого не ели, на его памяти. Не то чтобы он не собирался сам запытать мерзавца до смерти, учитывая, что он сделал с её высочеством, просто…

Он лежал хмурый и в дурных размышлениях.

До конца не веря, что в его руках спит его потерянная принцесса. *Она боится его*? Эта мысль острым холодным клинком вошла в него и причинила боль.

Под утро в залитой бархатным светом комнате послышался глубокий вздох.

Она. Его. Боится.

На следующее утро она дистанцировалась от него. Провела черту, которую он так опрометчиво в эту ночь позволил себе стереть.

Глава 2. Ваше высочество, вы нужны вашему дому

— В Мёртвый лес?

Элуф обменялся удивленным взглядом с Фицем.

— Ага, — пожала плечами я. — Никто вас не заставляет идти. А я держу путь на юго-восток.

Я запихивала в рюкзак выстиранный, ещё сыроватый плащ и все те мелочи, что успела разбросать по комнате за эти несколько дней, которые, по правде говоря, длились для меня бесконечно.

Спина ещё побаливала — единственное не обнаруженное кое-кем место, от остальных ран не осталось и следа. На самом деле постоянное раздражение держит человека в тонусе, так что я этому даже рада.

— Что ты собираешься там искать? — недоумевал Элуф, которого, возможно, не страшило в этом мире ничего, за исключением *того самого*леса.

— Я с тобой, — у Фицджеральда был совершенно спокойный вид. Он подпирал собой стену и, казалось, был согласен на всё, за что бы я ни взялась.

Какой покорный. И долго он сможет так притворяться?

— А как же твоя Формула? — с милой улыбочкой спросила я. — Надо полагать, при моем похитителе вы тетрадку Леффа не нашли?

— Нашли, — ответил Элуф, хотя я глядела на Фицджеральда и требовала ответ с него.

Я сухо улыбнулась отцу.

— Дай ему ответить. Ты никогда не видел почерка его друга. — Я снова посмотрела на своего стража, только что восстановленного в должности, раз прилип ко мне намертво и не собирается никуда отпускать меня с кем-то, кроме него самого. — Сверил?

Он держался очень достойно для своей роли:

— Сверил, — кивнул Фиц. — Почерк ему не принадлежит…

Я это знала. Ибо помню прощальную записку, и пусть она писалась наскоро, некоторые привычки выведения букв не искоренить.

— …можно предположить, Колдеру не хватало денег, и он решил…

— Скопировать записи братца и выручить за это деньжищ, — додумал Элуф и раздосадованно воскликнул: — Да сколько по миру гуляет этих копий?

— Так и есть, — безрадостно согласился с ним Фиц. — Мы не знаем, сколько. Можно, конечно, попробовать отыскать Колдера, прижать его и расспросить, — он вздохнул, — но с некоторых пор для меня это не актуально.

— Кстати, ты забрал тетрадь, прямо выхватил у меня из рук, — заметил отец. — Где она сейчас? Там правда четко расписаны ингредиенты и их пропорции? Дай взглянуть.

У Фица потяжелел взгляд, он так нехорошо на него глянул, что я прищурилась, обо всём сразу догадавшись:

— Он тебе её ни за что не даст. Рецепты алхимических зелий под строжайшим секретом. Тем более такой опасный. При жизни Арчибальд никому его не раскрывал.

Бывало, Фицджеральд изучал меня. Я ловила на себе его беззастенчивый взгляд, и он не сразу отводил его, когда я замечала и намеренно утыкалась в него своим.

И теперь он это делал. Задумчиво таращился, будто анализируя мои слова, сопоставляя их с тем, что он обо мне знал.

— У меня его нет. Я сжег тетрадь, — сказал он ровным голосом.

Элуф был возмущен:

— Слушай, такие вещи должны обсуждаться!

— А смысл, если в конечном итоге мы придём к тому же? — поднял парень бровь. — Кто-то из вас собрался его применять? Я сэкономил нам время.

— Вероятно, — кивнул отец, тренируя в себе самообладание. — Но ты не можешь делать это за спиной принцессы и говорить это постфактум.

Фицджеральд повернулся к нему всем своим тяжелым весом, прежде скрестив перед собой руки.

— Я не делал ничего у неё за спиной, — выцедил он сквозь зубы. *В этот раз*— прибавила я колко в уме, с интересом ожидая продолжение. — Этой ночью в четыре часа она ненавидела не того мужика, а само существование этой Формулы. Так люто презирала, что я, её подданный, не мог больше выносить её мучений. Я *услышал*её приказ и избавился от того, что её ранило. Или ты ждешь других объяснений? Их не будет. — И он резко повернул ко мне лицо, напряженно хмуря переносицу: — Твой Його выдержит троих?

Казалось, это единственное, что его волновало. Но, возможно, так и было.

— Не сомневаюсь, — ответила емко и оттеснила его в сторону, покидая гостиничный номер.

— Ты не ответила, что ты собираешься там найти! — с толикой досады выкрикнул Элуф и настойчиво последовал за мной.

***

Несколько дней спустя

Лес Мертвый встречал нас готической атмосферой. Когда мы спешились, на густо-черном небе занималась гроза; из чащи голых деревьев и темно-зеленых сосен вылетели вороны. Противный звук вынудил прикрыть уши, я сморщилась.

— Они когда-нибудь оставят меня в покое, — буркнула я. Тихо. Меня не слышали.

Я накинула на голову красный капюшон.

— Насчёт той белобрысой ведьмы. Что думаете? — заговорил серьезно Элуф, убеждаясь, что меч из ножен выскользнет хорошо при случае.

— Она ещё покажется, — ему ответил низкий голос.

Фиц стоял у меня за спиной. Наверное, на том месте обзор был хороший.

Ну и глупая же я… обращаться к нему спиной — не самый умный мой шаг. *Я не боюсь его и боюсь одновременно*. Странное чувство.

— Вот и я того же мнения, — тяжелым тоном было сказано. — Касс, держись рядом, не отходи далеко, — попросил отец, с подозрением окидывая взглядом гиблое место.

Мертвый лес стал седьмым в списке сложных вопросов, которые я задала рунам. *Что говорят нам звёзды? Что мне следует сделать? А если отправиться на восток, обратно на землю Немых? А что скажешь о юге? Бросить все силы на поиски Второй Формулы Арчибальда, которая, быть может, и вовсе не сохранилась до наших дней*? Не верю, что Фиц не обладает знаниями своего отца. Но тогда он бы помог Школе Майснера и снабдил поставками снадобий для новых детей. Или он не стал бы это делать? Его презрение к алхимии нас погубит. А любовь к заживляющему раны зелью в высшей степени лицемерна. Я немного откушу кусочек, а совесть спрячется в этот момент? Я отвлеклась. *Прийти к Болдуину и сходу захватить трон?*Шутка. Руны против того, чтобы я пожаловала к Немым. А вот юг… *Предлагаешь двинуться на землю Слепых*? Неопределенный ответ. Руна Иса[1]и Соулу[2]. Что там у нас на подходе к границам… *Мертвый лес, неужели*? О, да.

Мы входили в северо-западной его части. Под ногами лежала всё ещё земля Глухих. Проклятый лес располагался на всех трех территориях, поделённый на три участка. Северо-восточ-

[1] Ожидание, остановка для восстановления сил, застой.

[2] Успех, сила, свет, исцеление, исполнение желаний.

ный сектор относился к Королевству Немых — он побольше. Южный — самый обширный — Королевству Слепых.

Компаса у нас нет, но есть руны. И самое время воспользоваться простыми ответами — *да*или *нет*.

Что я и делала весь путь. Його шёл со мной вровень.

Фиц пытался отыскать мой кинжал в тех руинах, но не нашёл. Теперь в моих руках оставался лишь меч. Он намного тяжелее, но я имела с ним дело, справлюсь.

— Элуф, — позвал Фиц, замыкающий наше шествие.

— А? — тем же безмятежным тоном отозвался Элуф, осматривающий лес кругом и идущий чуть в стороне от нас.

— А ты ведь с ней знаком.

В скучающем голосе парня почудилась жёсткая нотка: мне обязательно выбивать это дерьмо из тебя или догадаешься сам выложить?

Элуф перестал озираться, помолчал и поинтересовался:

— С чего ты взял?

— Я не сказал, о ком речь, но ты сразу понял, — заметил Фиц, я слышала за спиной тренировочный свист меча. — Ваше высочество, а вам он говорил?

Мне безразличны ваши разговоры— хотела бросить я.

— Нет, — поспешил ответить Элуф, и меня тут же заинтересовала эта его неожиданная мрачная робость. Я повернула глаза в его сторону.

— Как раз пришло время. Его у нас полно, — поторапливал страж любезно. — Но если сложно с чего-то начать, посодействую. Ты видел, что я вот-вот вступлю в поединок с этой женщиной, но остановил меня криком: она мутит рассудок. Значит, приходилось встречаться до этого. Ваше высочество, простите, если следующие мои слова покажутся грубыми и обидят вас и вашего названого отца, — предупредил он меня небрежно, будто нарочно придерживаясь той модели отношений, которую одним знаменательным утром утвердила для нас я. — Элуф, ты спал с ней? — и сказано это было таким резким, холодным тоном.

Элуф промолчал. Он увидел, что я пронзительно смотрю на него.

— Кассиопея…

— Продолжай, — ровно велела я.

Мужчина вздохнул.

— Начну с того, что Филиппа Риверван — жена генерала Лайне.

— Виктора Лайне? — в тоне Фицджеральда промелькнуло удивление.

Генерала с таким именем я не знала.

— Элуф, продолжай, — снова потребовала я.

— Меня тогда уже списали, — вспоминал он, с головой нырнув в те дни, — я сидел в темнице, но от кое-кого слышал эту историю. Мой бывший военачальник казался образцовым семьянином, пока одним погожим деньком молоденькая девятнадцатилетняя жена не зарезала его дома. На ней были следы побоев. Так выяснилось, что Лайне был полным отморозком и женщин ни во что не ставил. Однако уличение в жестокости… — он покачал головой, — Филиппу не спасло. Её заключили под стражу, и отсидела она годов семь. Сбежала в ту же ночь, что и я, когда дворец погрузился в хаос. Да фактически мы помогли друг другу выбраться из этого дерьма. Тогда я впервые узнал, на что она способна. Кто бы нам ни преграждал дорогу, она превращала их в куклы и приказывала делать отбивную из своих же. Но есть у силы этой нюанс: контролировать женщин, как мужчин, она не может.

Сила направлена на самцов. Полезная деталь. Это уравнивает наши шансы с ней. Если выступать один на один, без мужчин поблизости, которые могут стать её оружием, я её уничтожу всухую.

— Ещё дня два мы кантовались где придется. Держались вместе. А как немного оторвались от взгляда гвардейцев, каждый пошёл своей дорогой.

— Говори конкретнее: вы переспали и?.. — Фиц дал продолжить.

— Наутро её след простыл, — вынужден был признаться Элуф. Недовольный, что мы вообще об этом говорим, тем, что это имеет хоть какое-то значение, он отвернулся. — С того дня ничего о ней не слышал.

С кем переспать — это личное дело каждого. А мне вот что любопытно:

— Если она могла вить из мужчин веревки, почему на муже навык не оттачивала, а довела это всё до рукоприкладства, которое в конце концов привело к делу об убийстве?

— Мы не особо вдавались в наше прошлое и не горели желанием друг другу душу мусолить, но один разговор у нас всё же состоялся. Правда, короткий. Я спросил её, как она Лайне умудрилась на нож напороть, он всё-таки воин умелый. И что она ответила, думаете? — он обвёл нас обоих взглядом.

— *Я этого не делала*, — не предположил, уверенно выдал страж.

Я небрежно подбросила руны и нахмурилась сильнее. Они показывали какой-то бред: на простых вопросах начали падать не синхронно. И лицом ко мне упали и вниз легли.

Убила своего влиятельного супруга-воина и была заключённой семь лет. На момент убийства ей было девятнадцать, как мне сейчас. Выходит, ей сейчас тридцать четыре. Сбежала с Элуфом. Помогла ему. Может и убить, может и бескорыстно помочь. Убийство из нужды. Мужа — за постоянные унижения и побои. Остальных — за… предубеждение? Покачала головой. *Она разделила с Элуфом постель. Травмы, связанной с мужчинами, у неё нет. По крайней мере, в слепую месть она не обратилась. Из нужды… Из нужды скрываться. Выжить. Все её убийства были по этой причине*?

Дальше я продолжала вслух:

— Именно в тот роковой момент у нее проявились колдовские силы. Как у меня. И она заставила своего мужа убить самого себя. У неё это вышло гораздо позже. В девятнадцать. Сейчас она очень рассудительна и хладнокровна, быстро берет себя в руки, даже если… самой страшно от самой себя? — спрашивала я, говоря сама с собой, склонив голову набок. — Того, что сделала минуты две назад. Сильная женщина, к которой просто несправедлива судьба?

Элуф глядел на меня взглядом, которым смотрят на безумных и гениальных в одном лице.

— Ты её жалеешь? Она едва не прикончила тебя, — заметил сурово Фиц, который привык к моим *внутренним переговорам* чуточку больше.

Сбавила шаг, обернулась вполоборота.

— О, не-ет, я её не жалею, — я показала ему свою милейшую улыбочку, от которого ему стало не по себе. — Вряд ли я вообще способна на жалость, Фиц. Жалеть кого-то я буду только в угоду себе. Лишняя доброта — пустое расточительство.

От моей невинной дьявольской улыбки он помрачнел. Затем посмотрел себе под ноги и отвёл безэмоциональный взгляд в сторону.

Вернулась к рунам, взглянула на то, что выпало, и уставилась вперед.

— Снег лёг, — озвучил мои мысли Элуф. — Мы случайно ступили на землю Немых?

— Похоже, что так, — отозвался Фиц позади.

Обоим это не нравилось.

А мне не нравилось, что мои руны *сломались*. Його потерся носом о мою руку; он едва протискивался сквозь густо посаженные стволы и корявые кустарники.

— Кассиопея, куда дальше? — спросил Элуф.

Капля дождя скатилась по лицу. Я прикрыла глаза и стала слушать лес.

— Слышали? — слева от меня голос отца. Справа…

— Колокол, — подтвердил Фицджеральд.

Сложный вопрос: е*сли я пойду на звук колокола, что это мне даст*?

— В этом лесу есть церковь, — хмыкнул в удивлении Ховард.

— Ещё страннее то, что кто-то бьет в колокол, — произнёс мой убийственно спокойный страж.

Руна *Соулу*.

— Идём, — скомандовала я и повернула вправо.

Кажется, там то, что я ищу. А ищу я способ добраться к Вэннаре.

В какой-то момент сосны сменились на ели, а те на сандаловые деревья. В воздухе витал едва уловимый аромат, дождливый день скрадывал все запахи. Мы сходили по рытвинам и спускались со склона по неисследованной тропе меж скалистых глыб и мхов. Через полчаса показалась старая церквушка. Она стояла одиноко посреди леса. Черные крыши и грязно-белые стены, почти серые. На вершине крест, под ним колокол, в который прямо на наших глазах жакнула молния своим зигзагообразным свечением.

— Чертовщина как она есть, — прокомментировал отец.

А колокол всё бил и бил, разнося звон по округе.

— Ведьмовской прикол, всего-то, — фыркнула я. — Значит, мы по адресу.

И шагнула вперед. Фиц двинулся следом, словно молчаливая тень.

— Його, с тебя дичь, — бросила я, и цербер, отделившись от нас, тенью скрылся в лесу.

Над дверной аркой надпись гласила: «Имя вперёд, Фамилия назад».

Обычно над церквями что-то более умное пишут, и каждый из нас об этом подумал, но нелепая фраза совершенно не стоила нашего внимания, чтобы рассуждать о ней вслух.

Я отодвинула тяжелую скрипучую дверь и протиснулась вглубь. Рассматривая рядами стоящие деревянные скамейки, прошла по проходу. Висели иконы и гравюры на стенах. В окошко падал нежный, желтоватый свет, что невозможно: ливень снаружи не прекращал. Я подставила струе солнца свою ладонь. *Тепло*.

— Это освещение, — подсказал Элуф, бросая взгляд вокруг себя. — Тут нет ни свечей, ни масляных ламп.

Ни отопительной печи, ни чаш с углями. Церковь заброшена, но помещение теплое даже в декабре.

— Любопытное место, — Фиц добрался до бассейна с шероховатой каменной каймой и приложил два мокрых пальца к языку. — Соленая. Рядом у нас разве есть море?

— Только река Оджа в трех днях пути. Может, море подземное?

— Для чего оно тут? — для меня тоже разгадка была не ясна.

Над гладью чистой воды окошко — без света. В нём зловещие тучи и сырой холодный лес. *Реальность*.

— Кассиопея, ты хоть знаешь, что ищешь? — Элуф хмуро и серьезно глядел мне в глаза. — Ты должна как можно скорее найти рычаги давления на короля Болдуина и пинком убрать его с твоего трона.

— Она сама решит, что ей нужно, — вмешался Фиц, в голосе предостережение.

Я посмотрела на руны у себя на ладони и спрятала их: большего они не говорили. Затем подошла к бассейну и зачерпнула немного воды, испила её. Ни один не успел меня остановить. Я повелительно выставила ладонь: мальчики, стойте, где стояли.

— Не солёная, — был мой вердикт. Я прислушалась к себе. Ничего во мне не изменилось.

— Может испить только ведьма, — понял Элуф, продолжая метать взгляды и присматриваться к церковной утвари.

— А солёная для нежелательных путников, чтобы в рот не хватали, — подхватил парень и, всё равно схватив мою руку, обтёр насухо о свой плащ.

— Я уже испила, — скептически изогнула я губы: чего ты мне тут заботу изображаешь?

— Пить ты можешь, а касаться? — поднял он бровь. — Мы не знаем, что будет при долгом контакте с кожей.

Я замерла. Всего на секунду, две… или три. От ощущения его нежных пальцев на своей коже. Перед тем, как он наконец отпустил мою руку. Отвечать на его проникновенный взгляд я не стала. Такой момент… незачем душу реанимировать. Думается мне, я никогда не забуду с привкусом чего был тот первый и последний наш поцелуй — с привкусом крови.

Фиц отошел от меня, а я осталась сидеть на краю маленького озера.

— Переночуем здесь, а утром подумаем, как дальше быть, — сказал Элуф, не обративший внимание на нашу заминку и державший в руках венец невесты.

Полезла за булкой в рюкзак и стала жевать. Нашла глазами интересный венок из сухоцветов, с вампирскими клыками, нанизанными на шелковую нить. Он подвешен за крыло статуи ангела на алтаре.

— Ты был женат? — спросил его Фиц, глядя на предмет для венчания в его руках.

— Да нет, — отмахнулся он, кладя изящную корону на место. Усмехнулся: — Примеряю на себя роль отца, который коронует скоро дочь.

— А идея мне нравится, — я покосилась на него.

— Разумеется, — хмыкнул он, — я никому другому и не доверю это дело.

Элуф отправился к скамьям и, расстелив на одну из них свой походный плащ, улёгся. Подложив под голову руку, смежил веки.

— Маленькая тюремщица, только не шуми, дай выспаться старику, — пробормотал он и ухмыльнулся.

— Тебе тридцать девять, — фыркнула я флегматично. — Потерпишь коварную меня.

Он притворно прижал к сердцу кисть:

— Ты меня совсем не бережешь.

Фиц присел на свою скамью и чего-то ждал.

— Может, это обычная купель? — размышляла, развязывая тесемки плаща. — Её высочеству так хочется быть чистой, — капризно заныла я. Вода так манила.

— Не вздумай, — наказал Фиц, следя за каждым моим жестом.

Он снимал с себя плечевые ремни.

— А почему? — я сделала жалостливое лицо.

— Если не спится, пойдем потренируемся на мечах, — предложил Фиц и, застыв на секунду, накинул ремень с мечом обратно. Поднялся на ноги. — Пошли-пошли.

Он встал в проходе, головой мотнув в сторону двери.

Я колебалась, но затем встала. Послышался храп: если меня изрежут на кусочки, Элуф всё проспит.

Королевская походка — это то, что я умела очень хорошо. Тициан был от неё без ума. Отшвырнула мантию на скамью. Собрала волосы острой розовой заколкой. Вынула и погладила лезвие своего меча. Задержалась возле парня.

— Ума не приложу, для чего это тебе нужно, — вызывающе вперив в него бесчувственный взгляд, произнесла я. — Но я тебе подыграю, милый.

— Будь так добра, — кивнул он. — В угоду тебе же.

Да он мастерски играл моими же словами.

С губ слетел саркастический смешок. В лес вышла я первая, он за мной.

Перед церквушкой стелилась каменистая площадка, от силы пять на шесть метров. Не разгуляешься. Повсюду деревья. Мокрые от дождя. Гроза ушла, в колокол никто не бил.

В воздухе стояла сырость.

— Давай, — небрежно махнула я, установив между нами дистанцию на импровизированном ристалище.

— Нападай ты, — вдруг изменил он правила игры.

Мои бровки поползли вверх.

— Ла-адно.

Я точно так же, как он, сомкнула пальцы вокруг рукояти меча. А в следующий момент сделала свой первый ход. Сталь заскрежетала, после трёх касаний он отбросил меня назад.

— Ещё раз, — спокойно сказал он, рукой давая знак нападать.

Я не была слишком гордой, чтобы не признать мастерство мечника, лучшего в стране. Потому училась у него всем тонкостям — в этот момент мне было совершенно плевать, что я ненавижу его. Тут указы раздавал он, а я подчинялась.

— Ещё раз, — потребовал Фиц.

Я хмурилась и нападала. Снова… и снова.

Пока я не загнала его к стволу дерева. Меч учителя отлетел, а я приставила кончик своего к его горлу.

Невозмутимый засранец.

— Поддашься мне снова — я проткну местечко чуть ниже кадыка, — погрозила я и раздражённо опустила меч.

Недовольная, повернулась к нему спиной.

— Раньше ты не сдерживался.

Я ощутила его шаг и то, как стало теплее, когда он встал ко мне почти вплотную.

— Сдерживался, — ответил он, — просто не так сильно, как сейчас.

— Ты ведь в курсе, что я тебе не верю? — Я отрешённо смотрела на луну над церковью.

Молчание было каким-то особенно нестерпимым.

Мне бы радоваться, что я лишила его дара речи. Растерянный, не способный найти для меня слов — вот что я слышала затылком.

— Кассиопея…

— Меня клонит в сон, — перебила я и двинулась к церкви.

Поединки на сегодня закончились.

***

Что-то просвистело рядом с ухом и вонзилось… в серый ствол за спиной Фица. Я так на глаз прикинула: стрела пролетела в пяти миллиметрах от его плеча.

— Я думал, у тебя реакция более быстрая, — обвинил парня Элуф, на самом деле злой от того, что меня не уберёг ни один из них. Отец тотчас подскочил и заслонил меня собой, выглядывая высоко в деревьях следующую стрелу, чтобы та не проделала во мне дырку.

Я положила руку ему на плечо:

— Расслабься. Это свои. С неба в нас никто стрелять не будет.

Он бросил озадаченный взгляд через плечо, который ждал от меня подробностей.

— В любом случае — промах, — коротко и небрежно заметил Фиц, снимая приколоченную к стреле тайную записку.

— Да, ты же не знаешь, отец, у нас с Фицджеральдом одинаковые татушки на животе. Талисман от одной знакомой ему ведьмы. Как-нибудь загляни в «Меченые путники». Результат восхитительный: все промахиваются, — заверила я, и только тогда Элуф медленно опустил меч и с интересом повернулся к нам.

— Деревня *Пыльные Равнины*, улица *Темной Луны*в Бортенхэше и южная деревня *Туман*— все вдоль реки Оджа. Фиц, сынок, будьте осторожны с Ссако. Места, что я назвал, подверглись магической болезни. Одержимыми убито несколько семей и целая деревня *Пыльные Равнины*, где жители перерезали друг друга. Так же наблюдается аномальное поведение птиц. Обнаружены целый труп запытанной женщины и подле него обглоданный труп мужчины, предположительно промышляющий убийством, — прочёл Фиц и умолк с застывшим взглядом.

— Пыльные Равнины, я был там года полтора назад, — раздумывал Элуф, а я внимательно вглядывалась в побелевшее лицо своего стража.

— Это ведь не всё? — спросила я, и он, придав лицу равнодушное выражение, продолжил:

— Что-то происходит во дворце. Болдуин буйствует. Народ говорит, он выскочил за ворота в одном ночном халате и так же быстро его увели. С нашими не связаться. Берегите себя. Майснер.

Я оглянулась: где Його? Этот лес — фактически его дом. Неужели решил вдоволь порезвиться? Что ни говори, а приручить до конца цербера никто не способен — вольные существа.

— Думаете, — заговорил Элуф мрачно, — это дело рук Филиппы?

— Не исключено, — пробормотал в смятении Фиц и, разломав стрелу, рассеял её по ветру.

— Не она, — подсказывало мне чутье.

— А кто такой Майснер?

— Тот, кто дал мне убежище в Нор-Боне, когда за мной выслали погоню, — сообщила я и сосредоточилась на другом: — Фиц, что в этом письме тебя больше всего насторожило? Я заметила, не увиливай.

Он с тревогой и раздражением поджал губы, повернул на мгновение лицо в сторону густых крон, уснувших в безветренный ясный день.

— Фиц, отвечай её высочеству.

— Ты уже видел нечто похожее? — спросила я спокойно.

Парень провёл большим пальцем по нижней губе и наконец уставился мне в глаза:

— Твоего похитителя прикончил не я. Его до смерти заклевали вороны.

Осознание причины накрыло меня с головой. Элуф забеспокоился, прошипел:

— Этот задница Колдер всех ведьм подставил под удар!

— Убийство ведьмы карается смертью, — Фиц смотрел прямо в мои выпученные глаза.

— Но… меня ведь не убили, — если честно, я была не так уверена в том, что говорила.

— Ну, значит, *всякий вред ведьме*карается смертью, — поправил он ещё более мрачно. — Воронами.

— Живьем? — усмехнулась я истерично.

Он не стал отрицать, и я засмеялась.

— Что ж, по заслугам, — весело сказала я, даже не стараясь кому-то сочувствовать.

У Фица был странный взгляд: он снова меня изучал. Да пожалуйста, я не против. Пусть даже видит во мне королеву Лоа, если ему так хочется.

— А как же другие ведьмы? Не хочешь им помочь?

— Ты так коварно просишь меня бросить все дела и двинуться на поиски Колдера? Или я тебя неправильно поняла? — безжалостно улыбалась я.

— Нужно уничтожить всякое упоминание о Первоначальной Формуле моего отца, — терпеливо пояснил он. — Только тогда ты будешь в безопасности. Касс, есть риск, что это повторится. Я обещаю защищать тебя, но даже я не всесилен. Умыкнут тебя в ванной, я и не замечу.

До последней фразы Элуф хотел было что-то возразить, но потом закивал, во всём соглашаясь с Фицем:

— Касс, лучше от той тетради избавиться. Спокойнее будет.

У меня вырвался смешок.

— Думаете, меня так просто похитить? — я снисходительно глядела на двух глупцов перед собой. — Да никому это не под силу, если я не пожелаю быть похищенной.

Да меня даже связать теперь невозможно.

На их серьезных лицах тем не менее читалось сомнение, и я почти потрясенно добавила:

— А я не пожелаю.

И оба выдохнули с облегчением.

Что за… до чего всё это нелепо. Пришлось закатить глаза и просто зашагать по лесу.

Магическая болезнь. Одержимость. Филиппа сейчас в руках Тоала. И она непременно за мной придёт. Моему брату незачем устраивать бесовщину и подрывать силы родного королевства. И Филиппа вряд ли настолько могущественна, даже Тоалу проиграла. Этот вариант отпадает.

А потом вдруг подумала: а оно мне надо? Разбирайтесь с магической болезнью сами. И Болдуин мне ваш абсолютно безразличен. Сам помрёт — мне же лучше. А вот о ведьмах подумать надо, тут Фиц попал в десятку. У этой женщины слёзы могли и не быть кровавыми, а тот охотник её пытал, посчитав, что всякая ведьма при желании или при определённых пытках не выдержит и заревет кровью. Что обычные люди вообще знают о ведьмах? Я этого Колдера придушу его же собственной музыкальной струной. Он эти тетрадки пачками там штампует? Что за бестолочь на мою голову?

Я выбросила ладонь вверх. Руны вели на север, но почему-то не за пределы леса. Ещё через час мы ступили на легкий снежный покров, трава ломалась и хрустела под сапогами.

В какой-то момент Фицджеральд попросил нас замереть.

— Ты что-то слышал? — Элуф начал вглядываться в деревья. — Слушай, кажется, там отряд. Они самоубийцы?

— Ты тоже в Мертвом лесу, — хмыкнула я, доставая из-за спины меч.

— Но я не погулять вышел.

— Они тоже, — подчеркнула я, предвкушая столкновение.

— Что-то подсказывает мне, что это Немые, — его голос заледенел.

— Может, то, что мы на их земле? — не смогла удержаться от иронии.

— Пограничники?

— Вряд ли. Только не в Мертвом лесу, — ударил по нам хладнокровный голос Фицджеральда.

Он сделал знак встать за ним и деревом.

— Нам не скрыть свои следы. Будем биться, — Элуф настроен был решительно.

— Одиннадцать человек, — насчитал Фиц.

В этот миг над головами раздался смех, будто человеческий, и я подняла глаза.

— Они пропали, — недоуменно произнёс страж.

— Сойка, — сообщил мне Элуф, не глядя вверх, — не отвлекайся.

Да, однако… это же…

— К востоку ушли, — прибавил парень недоверчиво.

— Вам не кажется… — я оглянулась.

Ровно через две минуты после слов Фицджеральда нас окружили воины. Они выпрыгнули, взяв нас в кольцо. Вооруженные мечом, тринадцать человек.

— Что-то такое я и ожидала, — вздохнула я с легкой досадой и беззаботностью.

Сойка оказалась ручная и спикировала на плечо главы гвардии. На его плече был опознавательный герб королевства. Впрочем, у всех он был, и китель скучного цвета никому не шёл. Безликие куклы Тоала. Только в его рвение я верила — ни люди Болдуина, ни Торбена в Мертвый лес не сунутся.

— Этот экстрасенс порядком действует мне на нервы, — пожаловалась я *ребятам*. — А что не Филиппа? Я по ней соскучилась.

Мои мужчины напряженно стояли спинами ко мне. Ждали момента, когда разразится бой.

— Его высочество её наказал, — говорил тот, что с птицей. Сойка хохотнула.

Элуф ощутимо напрягся. Обычно такой непоколебимый, он весь взвился, услышав об истязаниях *своей*ведьмы.

— Ну что на этот раз? — я медленно отвязывала плащ. — Тоал хочет видеть любимую сестричку или?..

— Принцесса, простите, но вы ему больше не нужны, — нагло повёл он головой, его взгляд холодел с каждым брошенным словом, а потом рука с оружием дернулась, птица взмыла в небо, а солдаты гурьбой ринулись в атаку.

— Так я и думала, — протянула я и предупредила мальчишек: — Крепко стойте на ногах!

Мечи Фицджеральда и Элуфа не успели коснуться лезвия противника, от моего скрипучего смеха человек восемь попадало; пятеро других не могли обойти лежачих и шатались из стороны в стороны, пока дрожала под ногами земля.

— Немножко уровняла шансы, — мило улыбнулась я и плавным движением отбросила плащ: потом подберу.

— Спасибо, — бросил Элуф, не теряя ни секунды.

Парни убили по одному из тех, кто пытался вскочить на ноги, прежде чем хлестнуться с теми, кому равновесие не отказало. Кровь ручьем текла из хрипящих глоток. Гвардейцы вставали. Я разрезала тела по диагонали, завидев вражеский блеск стали, летящий в меня, в *Святую*, столь немилосердно. У меня был лучший учитель, и я вижу, как плохо учили их. На губах застыло омерзение, багровый цвет раскрасил серебристый клинок.

Острое железо срезало прядь моих волос, проскользнув над плечом. Но мой меч остановил лезвие, и я со всей дури дала по наглой физиономии локтем. Голова его откинулась, я выбила меч.

— Вот паршивец, — выцедила я и в назидание, преобразившись, укусила его за запястье.

По его телу пробежала судорога, припадочный грохнулся — выведен из игры.

На меня кто-то накинулся со спины, однако Фицджеральд подоспел и обезоружил гада. Обернувшись, я схватила дезориентированного солдата за руку и повторила укус. Он тут же плюхнулся на твердый хрустящий снежок.

Фиц кинул на меня выразительный взгляд.

— Забавляюсь, — «нежная» улыбка вышла что надо. — Мучения, как ни крути, мой талант.

Он неловко отвёл глаза. Ну да, ведь я такая «красавица».

А ещё я заметила, что он был ранен в бок.

— Царапина, — отмахнулся Фиц, отходя.

Но я и не спрашивала— хмыкнула про себя.

Я стала искать глазами Элуфа. У него болело бедро, и шаг стал не очень уверенным. Но, во всяком случае, жив и дерется.

Осталось пятеро — лучшие из лучших. Двое раненых от мечей моих мальчиков. Это повысило разве что градус их агрессивности, но никак не сломило дух. И среди них был тот вышестоящий гвардеец, который подчинялся непосредственно принцу Тоалу.

— Берегись! — яростно крикнула я, отбивая удары одного из воинов и метая взгляды в сторону Фицджеральда. Вокруг него кружили сразу три противника. Третий как раз влез в чужую драку, когда не получилось разобраться с Элуфом, у которого теперь была схватка один на один: двое, избавив друг друга от оружия, катались на снегу и бились врукопашную.

Я споткнулась и тотчас вильнула в сторону; меч вошёл в землю там, где секунду назад находилась моя голова. Разлетелись брызги снега. Быстро подняла руку, и над лицом раздался противный лязг. На стороне противника был его вес, с которым он на меня давил. Рука начала сдавать, а острый край клинка приближался к лицу.

Внезапно всё закончилось. Глаза злобной мрази вылупились и утратили осмысленность.

Он падал — я напряглась и скинула его прочь.

Мои глаза нашли Фицджеральда, оставшегося без меча. Вынула его из спины моего противника и побежала к своему стражу.

Фиц припал на одно колено, а потом выхватил чужой меч, остановив лезвие голой рукой. Устало замахнулся и неглубоко рассёк сопернику грудь. Все трое гвардейцев были живы, но тоже ослаблены многочисленными порезами в плечах, груди и бедрах.

— Фиц!

Он обернулся, и я бросила ему меч. Ловко перехватив холодное железо в воздухе, он стал играючи разминать запястья, вращая сразу обеими клинками.

Я не могла не восхититься, насколько он прирожденный мечник. Сила рук, выносливость, скорость, просто убийственный «аллюр». *Мрачный жнец*во плоти.

Его руки заработали резче, он нанёс смертельный удар в сердце одному и разрезал спину второму. Третий откатился, когда я пыталась замахнуться: он увидел меня.

Воспользоваться заминкой возможность не представилась, через секунду он уже был на ногах. Напротив меня стоял главарь.

— Что ж ты не сдохнешь, тварь? — прошипел он.

— Как недружелюбно, — поцокала я, в моих глазах затвердел лёд: — А ведь так хорошо начинал. Её высочество расстроена. А за покушение полагается казнь.

Но я в полушаге застыла с взметнувшимся мечом; его грудь проткнула неизвестная стрела, и он осел. Затем ещё одна убила противника Элуфа. И очередная — скользнула по щеке Фицджеральда и угодила в шею гвардейца.

— Я убью тебя! — взревела я, обернувшись. — Кто стрелял?!

Кусты шевельнулись, и вперед вышла новая группа людей во главе… надо же.

Они медленно подошли; мы с ребятами переглянулись. Фицджеральд и Элуф очень плавно, будто хищные дикие кошки, подошли ко мне с обеих сторон, не сводя напряженного взгляда с новоприбывших.

Мои седые волосы прядями свисали из потрепавшейся слегка прически. Грудь вздымалась и опускалась. Но мое лицо не выражало ничего.

Черные доспехи с коваными мордами зверей на плечах. Пятеро воинов мраморными изваяниями застыли, предварительно вложив мечи в ножны, а их молодой предводитель выступил невозмутимо и сделал крюк, обогнув нашу команду со стороны Фицджеральда. Он подошёл к командиру первой банды, которому продырявили лёгкое.

Солдат в изумлении округлил глаза и пробормотал:

— Генерал, почему вы…

— Избавляюсь от всех свидетелей, которые могут доложить Тоалу о «моем предательстве». Ничего личного, — сухо отрезал мужчина и бессердечно воткнул в его сердце свой идеально ровный клинок.

Акерлей Эллис-Куинн, уверенно вдев в ножны меч, спокойно ко мне обратился:

— Ваше высочество, вы нужны вашему дому. Король намеревается развязать войну со Слепыми. Вы должны этому помешать.

— Ну здравствуй, Арл. — Моих глаз коснулось любопытство.

— Я поймал вас.

— Но не убьешь.

— Снова, — этот человек умел улыбаться.

— Снова.

Глава 3. Вылазки номер три и девять

Кассиопее шестнадцать.

В старом серванте было просторно. Я крепко стиснула три украденные монеты, наблюдая за старикашкой в зазор между дверцами шкафа.

Гардинер Боденна, он же звездочёт и мой злейший противник, чертил линии на карте неба на своем рабочем столе, на котором вечный бардак творился. «Трудился в поте лица» в самой верхушке башни Нави, где никто не следил за чистотой и складывался всякий хлам. Шкаф, в котором я сидела, тоже, по всей видимости, давненько не открывали. В нём ничего не хранилось. Даже крысам полакомиться нечем.

Он нагрянул неожиданно. Думала, у меня есть время поизучать его чертежи и понять, что вообще можно по ним *понять*.

А ещё мне было интересно, когда он догадается, что я снова сбежала и что меня следует искать в его же шкафу. Но пока он только прихлебывал чай, жевал пироги, крошил всё это на звездную карту и выглядел беззаботным донельзя. Коричневый балахон сидел на нём карикатурно. Способность проследить мое поведение по расположению звезд казалась слишком уж фантастической. Болдуин притащил его из какого-то захудалого аббатства. Кошмар, в общем. И при этом меня называют чокнутой.

От входа послышались шаги. Новое лицо.

— Чем занят? — спросил молодой парень. И тоном таким, будто старик находился в его подчинении.

— Генерал Куинн, — поприветствовал его Гардинер, оглянувшись через плечо, всё так же сгорбленный над линейкой и чертежом.

Генерал… какой молодой.

— Да принцесса опять сбежала. Вот готовлю реквизит. В смысле, отчёт его величеству.

Так он знал! А чего такой спокойный, крошки изо рта роняет?!

— Ну готовь-готовь. — Генерал слегка тревожно прошёлся по комнате. — А сама она где?

— Да вон в шкафу сидит, — махнул небрежно пальцем в мою сторону. — Можете поздороваться.

— В шкафу? — не поверил своим ушам генерал и даже растерялся.

Я притихла. Не может быть! Так просто? Но когда… как… он это понял? Я скисла. Вылазка в башню Нави оказалась напрасной, в механизм его работы я так и не вникла.

К моменту, когда перед шкафом встала пара военных сапог, я уже припрятала в ложбинку груди сворованные монеты, которые я потихоньку собираю для настоящего побега. То, что меня поймали в этот раз, не их заслуга. Я им просто это позволила.

Дверца приоткрылась, и на меня взглянули пронзительные серые глаза.

— Ваше высочество, вам удобно? — смешливо поинтересовались у меня.

Выбиралась я элегантно:

— Укушу, — огрызнулась я, бесцеремонно толкнув его в плечо, чтоб убирался с дороги.

— Я поймал вас, — он старался не улыбаться.

— Какая милота, генерал. Почаще говорите это своим подчиненным, они оценят.

Я невозмутимо поправила волосы, изящным одновременным движением указательных и средних пальцев перекинув их за спину. И направилась к себе в башню — *давайте без рук, сама знаю дорогу*.

Он шёл за мной твердой поступью тюремного надзирателя и втайне смеялся надо мной.

Когда мы вошли в комнату, миновав двух провинившихся гвардейцев, что склонили головы перед грозным генералом, я делала вид, что его не существует. Как обычно взяла с полки книгу, как обычно села в кресло, как обычно схватила с подноса ровный четырехугольник белого хлеба с намазанным яблочным вареньем.

— Меня зовут Акерлей. — Он топтался у меня на пороге, не решаясь врываться в мой мир. И уйти, к несчастью, тоже не решаясь.

Я хоть и не смотрела на него, но замечала всё, что он делает. Как бегает его взгляд по комнате. Похоже, мою комнату он находил личной и потому без приглашения не смел вторгаться.

— Ты лучший друг Тоала. Побеждаешь в каждом командном соревновании в Академии, ну и хиляк Тоал неизбежно тоже; иметь такого друга для него плюс. Я наслышана, — бесцветным голосом излагала я ход вещей. Можно догадаться, по чьей протекции он сделал стремительную карьеру в двадцать два. Ведь лет ему должно быть столько же, сколько и Тоалу: они с одного ученического потока.

— Четыре года как выпустился, — его жестких губ коснулась легкая усмешка. — Рад, что вы обо мне слышали. Я тоже слышал о вас.

— Надеюсь, только дурное?

— Отчего же? — возразил Акерлей.

— Чтобы вы поскорее выметались отсюда, — подняла глаза и одарила его милейшей улыбочкой.

Взгляд его похолодел, стал суетным и неловким.

— Понял, — кивнул он сдержанно, прохладно. Но в момент, когда он со всей нерешительностью поворачивался прочь от меня, я укусила хлебушек со сладким яблочным повидлом.

И застыла, приоткрыв рот. Книга и ломтик хлеба выпали у меня из рук. Глухой звук бьющегося о пол корешка заставил его повернуть голову.

— Ваше высочество… — он взирал на сцену с непониманием.

Я смотрела прямо в его серые глаза, умоляя, сама не зная о чём.

Только когда кровь хлынула из моего рта длинными ручьями, глаза его в ужасе округлились. Они резко впились в десертный хлеб — и сверкнули ярос

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.